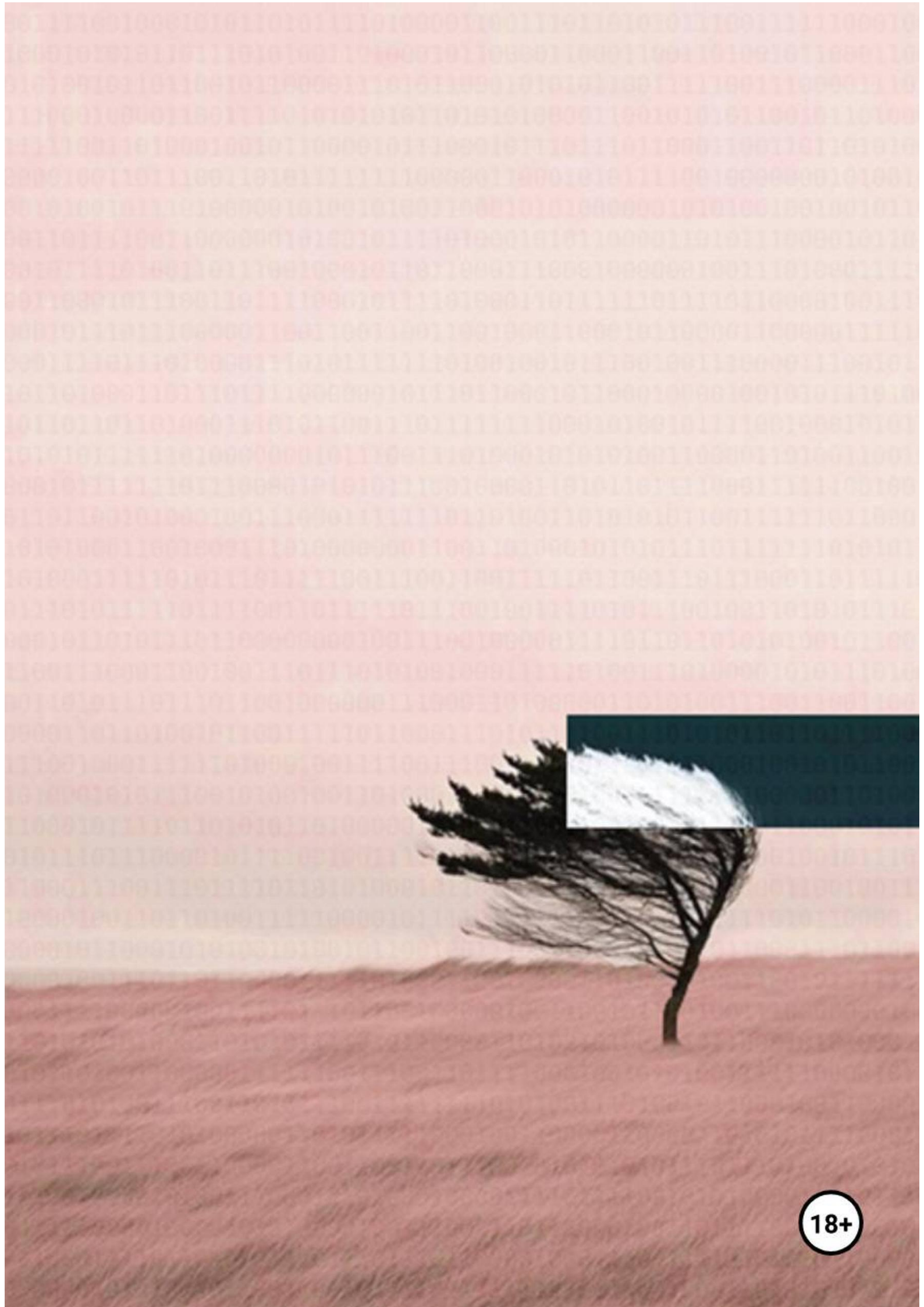

Linad S

Эдем

«Автор»

2026

S L.

Эдем / L. S — «Автор», 2026

В мире, где астероид отсчитывает последние дни человечества, корпорация «НОИ» предлагает спасение в цифровом раю. Через призму взгляда простого уборщика раскрывается история о выборе между реальным миром и виртуальной утопией, где грань между божественным и техногенным размывается.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Linad S

Эдем

Глава 1

1.6

Астероид с крайне спорным названием «Последний суд» должен был превратить Землю в облако пыли ровно через семь дней. Несложно представить, какой первобытный ужас вспыхнул в головах людей после этих слов. Мир не просто замер — сложилось впечатление, что произошел раскол.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, выход есть, — звучал до боли знакомый голос из каждого радио, из каждого телевизора и телефона.

Это был бот с безупречно вежливым и спокойным женским голосом — тем самым, что вы слышали миллион раз, когда висели на линии, дожидаясь оператора в службе поддержки. Теперь этот голос сообщал о конце света с той же интонацией, с какой объявляют об обновлении тарифа.

— Просим в ближайшие шесть дней прибыть в «Столетний городок». Повторяю: «Столетний городок». Всем гражданам будет предоставлено убежище абсолютно бесплатно.

Дальше следовала инструкция о дальнейшем плане действий. Это сообщение крутилось буквально повсюду, даже из громкоговорителей, которые, казалось, в последний раз работали в прошлом веке. Город наполнился этим гулом, казалось, что воздух пропитался чувством страха. Я узнал про апокалипсис чуть раньше остальных — примерно за пару недель до официального объявления. Пока весь мир строил планы на лето, я уже знал о неизбежном.

— Артём, прошу вас, приведите в порядок комнату отдыха, — раздался за моей спиной торопливый голос.

Я не успел обернуться, как обладатель голоса уже скрылся за поворотом коридора. По интонации и сверкающим до блеска туфлям можно было понять, что это был администратор. Пугающе респектабельный человек: никто и никогда не видел растерянности в его глазах, казалось, у него всегда всё под контролем. Даже сейчас, когда мир трещал по швам, его заботила чистота в зоне отдыха.

Толкнув перед собой уборочную тележку, я направился исполнять поручение. Дверь в нужную комнату была распахнута настежь. Внутри царил относительный порядок, и лишь рассыпанный по столу сахар вместе с влажными кольцами от кружек нарушали идеальную чистоту этого помещения. Закончив уборку, я подошел к панорамному окну, занимавшему всю стену. Зрелище было неожиданным: к дверям здания уже бежали люди. Я не предполагал, что тридцати минут с момента оповещения окажется достаточно, чтобы здесь собрались первые прибывшие.

Когда я подписывал контракт, устраиваясь в эту компанию, я даже не думал, что её деятельность кардинально поменяется в такие короткие сроки. Изначально наша цель казалась актом милосердия: мы дарили «второе дыхание» людям с неизлечимыми болезнями или тем, кто просто не хотел покидать наш мир. Мы переносили сознание умирающих в цифровой рай — безупречную симуляцию, где тело больше не предавало, а страх смерти исчезал, растворялся, становился ненужным. Это был мир бесконечного штиля: стерильно чистые улицы, залитые лучами солнца, отсутствие нужды в труде и возможность вновь коснуться рук близких, пусть и через сенсорную проекцию.

Это была точная копия нашей реальности, очищенная от шума и хаоса. А потом, в связи с последними событиями, вектор корпорации резко сменился. Теперь в симуляцию переносят не только находящихся при смерти, а абсолютно всех. Поразительно, что компания, которую в первую очередь интересовала прибыль, делает это совершенно бесплатно. Хотя, быть может, это и не удивительно: деньги сейчас не ценнее воздуха. А когда-то были?

1.5

В первый день после оповещения пришло лишь пару сотен человек. Учитывая, что сообщения с адресом нашей башни транслировались только в ближайших районах, это всё равно довольно мало. По расчётам, за пять оставшихся дней к нам должны будут прийти ещё три тысячи человек. Наверняка компания «НОИ» — Наземная Оцифровка Индивидуумов — единственное во всём мире до сих пор работающее место.

Я не покидал стен здания без малого три недели — с того самого дня, когда «избранных» сотрудников оповестили о надвигающейся катастрофе. Наша корпорация первой приняла эту весть: руководство стремилось подготовиться к неизбежному наплыву обезумевших от страха людей.

Разумеется, со мной, простым уборщиком, никто не делился откровениями свыше. Я узнал суть из обрывков чужих разговоров и тревожного шёпота за дверями кабинетов высшего персонала. До сих пор, глядя на запертые двери, я не могу решить: дар ли это — ведать о судном дне заранее, или же тяжкое бремя? Были бы последние дни спокойнее в неведении? Ответа в моей голове не последовало.

Безоговорочно, кто-то знал об астероиде намного раньше нас. Неспроста огромные небоскребы «НОИ» выросли по всему миру в один момент — около полугода назад, словно грибы-дождевики после душного летнего ливня. Тогда они выглядели очень даже футуристично, как будто сюжеты книг или фильмов про далёкое будущее наконец стали реальностью, а теперь, под каким углом ни взгляни, похожи на надгробия, заранее приготовленные для человечества.

Одного не пойму: зачем было оставлять громадные ямы под фундаментом каждого здания? Ни огромные склады, ни многоуровневые парковки не требовали столько свободного места; казалось, они не имели никакого функционала. Да и сколько ни броди по коридорам, дверей, ведущих на нижние ярусы, я так и не приметил.

1.4

Ещё спустя сутки пришли тысяча сто восемьдесят девять душ. Интересно, все ли истинно верующие сделают выбор в пользу церкви, отказавшись от протянутой руки нашей организации, склонятся ли они пред тем раем, на который возлагали надежду в течение всей жизни, или же предпочтут его безбожное подобие, сотворённое руками людскими?

Ответ не заставил себя долго ждать. Среди прибывших началось смятение: двести шестьдесят человек внезапно отреклись от своего намерения, решили, что это смахивает на богохульство. Но самое интересное, что сами священники оказались не прочь предать свои старые идеалы. Только за два дня в нашу башню пришли трое священнослужителей. Они очень старались остаться незаметными — переоделись в обычную гражданскую одежду, натянули кепки на глаза и вели себя тише воды. Но стоило людям в очереди узнать их и начать шептаться за спиной, как «святые» тут же начинали хамить. Они огрызались на каждого и требовали от персонала пропустить их без очереди, лишь бы поскорее скрыться от чужих глаз. Всё же страх смерти оказался сильнее десятилетий проповедей.

Рядом со зданием собралась толпа. Кажись, часть из тех, кто предпочёл суровую реальность нашему рукотворному раю часами ранее. Они старались отговорить остановившихся в

смятении людей на пороге в ковчег от оцифровки, называя это тюрьмой для души. Их голоса звучали как хор умственно отсталых, стараясь донести одну-единственную мысль — все звуки смешивались в какофонию, воющую невпопад массу. Раздражающий гул был слышен даже в самом здании.

— Хорошо там, где нас нет! — крикнул кто-то из толпы.

— Хорошо там, где вас нет! — последовал немедленный ответ из очереди.

1.3

«Бог позаботится о нас» — красовалось небольшое граффити на стене одного из рядом стоящих домов, но позже кто-то резко перечеркнул слово «позаботится» и исправил его на «забыл». Недалеко, будто вопреки небесному равнодушию, виднелась ещё одна фраза: «Рай уже занят, мы сделали свой». Даже в такой момент подростки не изменяют себе — в последние дни решили проявить такую креативность.

За последний день пришли ещё шесть сотен тел, осталась всего тысяча. За три дня мы должны легко успеть принять их всех. Толпа орущих протестующих уже разбежалась, они смогли переманить в свои ряды всего пару человек.

— Дмитрий, — прозвучал уже знакомый голос, — приберитесь в кабинете оцифровки.

На этот раз голос администратора был неторопливым. Кивнув, я поправил очки.

Я дождался, пока персонал покинет зал оцифровки. Они выходили плотной группой: идеально чистые медицинские халаты с именными бейджиками, такие же белые брюки — в этом стерильном однообразии было что-то пугающее. Когда последний из них выскользнул в коридор, я, погодя пару секунд, зашёл внутрь. Что-то в этой привычной сцене показалось мне совсем не привычным, заставив на мгновение остановиться. Я невольно пересчитал их по спинам: девять. Вроде раньше из зала всегда выходило ровно десять.

Это помещение несколько не отличалось от серых, безжизненных холлов здания, разве что здесь не было окон — только белый больничный свет и длинный ряд матовых капсул, похожих на зёрна риса.

Я принялся за уборку. Пол был истоптан кучей грязных следов, а на краях капсул виднелись жирные пятна от потных пальцев. Воздух в комнате был тяжёлым и застоявшимся. Он пах смесью медицинского спирта и перегретого железа — ароматом электроники, работающей на износ. Взглянув на решётки вытяжки под потолком, я ощутил искреннее удивление. На башне стояли дорожные промышленные фильтры, способные, по словам инженеров, очистить воздух целой улицы. Казалось невозможным, что они не справляются с сотней людей, одновременно находящихся в помещении. Будто сама техника начала сдавать от безысходности.

Почти закончив работу, я заметил, что в последнем аппарате лежит человек. Это был один из работников, которого не хватало по моим расчётам — кудрявый светловолосый парень. На бейджике написано имя: Иоанн. На терминале рядом светился обратный отсчёт: 5:13.

Неужели он запрыгнул в камеру в тот промежуток, когда вышли его коллеги и зашёл я? Мне стало безумно интересно, что же происходит по окончании процесса перехода в «рай». Я простоял около саркофага, не сводя взгляда с парня, все пять минут.

Шесть, пять, четыре, три, два, один.

В этот момент камера издала еле слышимый сигнал. На мониторе загорелось: «Оцифровка успешна. Личность перенесена». Нижнее основание капсулы распахнулось, будто дверцы люка. Тело — или уже просто пустая оболочка — скользнуло вниз. Я замер, дыхание на мгновение перехватило, ладони, держащие швабру, вспотели.

Пришло понимание. Глядя в это чрево, я осознал истинную цель тех огромных ям. Через считанные секунды туша плашмя приземлилась на тех, кто ушёл раньше, издав мерзкий хло-

пок и треск костей, который отразился эхом от стен ямы и, кажется, даже пронёсся по самой вентиляции.

Если бы кожа сознания оставалась здесь, здание за считанные дни пропахло бы трупным запахом, коридоры превратились бы в выставку гниющих тел, парализовав всю работу. Тысячи людей на улице, увидев горы плоти, впали бы в неопикуемый ужас, и никакой оцифровки бы не случилось. Корпорация просто прятала то, что больше не имело значения, чтобы те, кто ещё ждёт своей очереди, могли сохранить спокойствие и веру в спасение. Это была необходимость — неприятная утилизация ради порядка. В конце концов, в цифровом раю им эти тела не понадобятся.

Дверь за моей спиной открылась. Бородатый мужчина в халате спросил:

— Вы же Андрей, кажется? Закончили уже?

Теперь я понял, что те дорожные фильтры вентиляции всё же делают своё дело.

— Да, да, я закончил, — я протёр последний аппарат и вышел.

В коридоре уже собиралась новая группа. Человек двадцать — мужчины в отутюженных костюмах, женщины, прижимающие к груди маленькие сумки, и дети, не успевшие распробовать вкус жизни.

Они смотрели на меня с какой-то надеждой, как на вестника из того самого «рая», куда они так стремились. Глядя на их лица, я невольно представлял звук, с которым они упадут. Сколько секунд будет лететь вон тот толстый старик с лысеющей головой? Какой «хлопок» издаст эта молодая пара, подозрительно похожая на героев из недавно увиденного мной любовного фильма?

Мне не было страшно, и я не чувствовал злости к корпорации. Напротив, я ощущал некое успокоение. Все они верили в спасение души, в вечный штиль и солнечные улицы цифрового мира. Но никто из них не знал, что пропуском туда служит короткое свободное падение в крошечную тьму. Возможно, и я не хотел бы знать.

«Кожура», — повторил я про себя, провожая взглядом маленькую девочку с плюшевым осликом.

1.2

Вчера пришли всего девяносто три человека — невероятно мало. Неужели люди хотят закончить жизнь вот так, в страхе и агонии? Они действительно не хотят продолжить ее в нашем «Эдеме»? Я не мог понять ход их мыслей. Для себя я уже давно все решил: кто в здравом уме выберет смерть вместо жизни? Дураки.

Послезавтра — последний день жизни планеты. Уже завтра космическое пространство будет бороздить огромный компьютер, хранилище миллиардов сознаний.

Проходя мимо небольшой очереди у регистрационной стойки, я старался не смотреть в лица стоящих. Меня раздражали их поникшие глаза, плач женщин и всхлипы мужчин. Нет, конечно, я не какой-то социопат. Поначалу я испытывал сочувствие, правда, но через пять дней непрекращающихся слезливых сцен они изрядно надоели.

Вдруг я споткнулся о ящик с инструментами.

— Ну что же вы, аккуратнее, протрите очки, — прозвучал низкий мужской голос.

— Извините, — выпалил я, не обдумывая.

На полу, рядом с одним из вендинговых автоматов, лежал мужчина. Это был наш главный техник. Я удивился и решил спросить:

— Зачем вы чините автомат?

— Чтобы он работал, что за вопросы? — Мужчина в засаленном комбинезоне искренне не понимал моего удивления.

— Нет, в плане — какой в этом смысл? Пару дней, и астероид превратит этот автомат в пепел, ничего не останется.

— Тогда зачем вы убираетесь?

— Чтобы... сохранить порядок. Чтобы последние воспоминания о мире у людей были чуточку приятнее, — я замялся, чувствуя, как моя логика дает трещину под его прямым взглядом.

Техник усмехнулся, вытирая испачканные в мазуте пальцы о не менее грязную тряпку. Его спокойствию мог бы позавидовать каждый в этом здании.

— Порядок, значит? — Он снова нырнул за аппарат, звеня гаечным ключом. — А я чиню его, чтобы та женщина из очереди — ну, с мокрыми глазами — могла съесть последнюю в своей жизни сладость.

Я не видел его лица, но чувствовал, что на нем расплывается улыбка.

— Да тут же стоит еще ряд подобных автоматов! — в каждом моем слове звучало непонимание. — Эта женщина может купить что угодно в любом из них!

— Вы правы, — он докрутил что-то и вылез из-за автомата, снова вытер руки и посмотрел на меня. — Там, в вашем «раю», автоматы не ломаются, верно? Там всё работает идеально. Никакого износа материала, никакой ржавчины, никакого запаха гари.

Он задвинул машину к стене и похлопал её по боковой стенке, будто по плечу старого друга.

— Разве это плохо? — спросил я с долей сомнения. — Вы наконец отдохнете от надоевшей работы.

— Отдохну? Эх, дружище... Отдыхать ведь в радость, когда ты по-настоящему упал. — Он облокотился на стену. — Когда за день устанешь так, что с ног валишься, а под вечер наконец ложишься, вытягиваешь их — и они начинают так приятно гудеть. Вот это я понимаю.

Он повертел в руках заржавевшую гайку, задумчиво рассматривая её потертости.

— А отдыхать вечность — это, не знаю, скучно, что ли... даже мучительно. Не к чему руку приложить, нечего преодолеть. Жизнь — она ведь в этом и есть: в движении, — он окинул взглядом только что починенный автомат, — в маленьких победах. А там у вас — пустая безупречность.

— Вы что же, решили остаться тут?

Раньше я думал, что в реальном мире остаются только глупцы или те, кто слишком религиозен. Но этот человек не был похож ни на кого из них. Он выглядел свободным.

— Да. Ты боишься смерти, а я, — он глянул, щурясь, сквозь окно на нездорово-багровое небо с темными пятнами, — я боюсь имитации жизни.

Техник поднял ящик с инструментами, железо внутри гроыхнуло, будто там были цепи. Повернувшись, он уже без своей привычной улыбки добавил:

— Я лучше умру человеком, чем буду «жить» двоичным кодом.

Рабочий ушел, оставив меня в тишине, которую нарушало лишь тихое гудение торгового аппарата и изредка доносящиеся эхом всхлипы. Посмотрев на свой рукав, я увидел темное пятно от мазутной руки мужчины. Раньше я бы с отвращением стер его, но сейчас я просто смотрел. Пятно пахло чем-то химическим, едким, а я вдохнул этот запах всеми легкими, зная, что делаю это в последний раз.

1.1

Последний день. На этот раз стремления проверить, сколько человек ушло за последние двадцать четыре часа, не возникло. По моим ощущениям — не больше ста. Сегодня я наконец тоже отправлюсь в столь желанное место, но впервые за всё время у меня возникли сомнения.

Чтобы унять дрожь в пальцах, я вышел на последнюю прогулку по когда-то живым и шумным районам. Город теперь выглядел как декорация к фильму, съёмки которого внезапно отменили. Витрины магазинов, рекламные баннеры, обещавшие скидки на одежду, которую уже никто не наденет, окна квартир, где по вечерам когда-то собирались семьи, — всё это еще светилося холодным, но приятным светом.

Улицы были погружены в гробовую тишину: не слышно ни птиц, ни даже вздоха ветра. Лишь эхо моих собственных шагов казалось слишком громким, почти непристойным в этом застывшем безмолвии.

Я остановился у кафе на углу. Раньше я заглядывал сюда каждое утро за свежей выпечкой. Сейчас витрина была разбита — кто-то в порыве маргинальности швырнул в стекло тяжелый стул. Внутри, изредка мигая, всё еще горела лампа, и, к моему удивлению, до меня донесся тот самый — терпкий, едва уловимый аромат свежемолотого кофе.

Я заглянул внутрь. Хаос здесь соседствовал с абсолютным покоем. Касса вместе с бесполезными теперь бумажками-деньгами валялась на полу, словно вывернутые внутренности поверженного механического зверя. Мебель была побита, полки опустели — люди хотели наесться напоследок, будто всерьез боялись умереть от голода.

Вдруг ветер нарушил заурядное затишье. Он пронесся по улице, жалобно звякнув осколками разбитой витрины и погнав по асфальту пустую жестяную бутылку. Этот звук разрушил вакуум, и следом за ним донеслись голоса — живые, звонкие, совершенно неуместные в вымирающем городе.

Из интереса я пошел на звук. За углом, между серыми бетонными высотками, виднелось школьное футбольное поле. Там, на потоптанном газоне, компания подростков — человек восемь — счастливо разворачивала пледы и выставляла еду из рюкзаков. Они смеялись, толкались и спорили о какой-то ерунде, будто завтрашний день не был вычеркнут из календаря. Я стоял в тени козырька автобусной остановки, наблюдая за ними, словно за редкими зверьми.

Один из парней с разбегу запрыгнул на сетку футбольных ворот, проверяя её на прочность, — та отозвалась тихим металлическим стоном. Двое других, смеясь, боролись на остатках травы, поднимая облако пыли. Девочка в кофте явно не её размера вместе с подругами методично расставляла пластиковые стаканчики и вскрывала пачки с чипсами. Её движения были до странного будничными, лишёнными трепета, с которым обычно люди касались "последних" вещей. Она что-то увлеченно рассказывала подруге, жестикулируя рукой, в которой зажала какой-то брелок. Самый высокий из них, по всей видимости, хозяин той кофты, что была на девушке, снимал всё на телефон и что-то говорил. Сложилось ощущение, что он записывает блог — интересно, для кого? В их действиях не было вызова или протеста — только тихое, почти детское умение быть здесь и сейчас.

Я старался стоять неподвижно, боясь спугнуть эту почти святую идиллию своим присутствием.

Вдруг взгляд одной из девчонок, скользнувший по пустой улице, наткнулся на меня. Она замерла, её руки на мгновение застыли в воздухе. Блондинка остановилась на полуслове, что заставило её подруг тоже найти меня в тени. В мгновение мне стало не по себе.

— Здравствуйте? — аккуратно выкрикнула девушка.

Борцы в уже растянутых, когда-то чистых футболках резко разнялись и начали потерянно оглядываться по сторонам. Следом парень — тот, что держал телефон, — быстро обернулся. Его объектив на секунду замер на мне, словно фиксировал случайное преступление. Секунда — и все восемь пар глаз смотрели на меня. Чувство стыда, резкое и колючее, обожгло грудь: я ощутил себя педофилом, который подглядывает за детьми. Тишина улицы вдруг стала оглушительной, подчеркивая каждый мой вдох.

— Добрый день, — с трудом выдавил я скрипящим от пересохшего горла голосом.

Стараясь сгладить обстановку, я поднял руку в примирительном жесте — ладонью вперед, мол, «я безоружен и ухожу».

— Простите, засмотрелся. Красиво у вас получается, — добавил я, кивнув в сторону застывших борцов.

С каждым словом и действием я выглядел всё подозрительнее, хоть и хотелось сделать обратное. Тишина снова начала давить на уши, и я понял: чем дольше я стою и пытаюсь «сгладить углы», тем больше я похож на маньяка из плохого триллера.

— Ага, спасибо, — буркнул парень с телефоном и растерянно улыбнулся.

Дабы не закапываться еще глубже в яму неловкости, я принял решение быстро капитулировать. Я развернулся слишком резко, едва не споткнувшись о край бордюра, что явно не добавило мне солидности. За спиной я не услышал ни «до свидания», ни шепота — только молчание и чувство, как шестнадцать глаз сверлят мой затылок, пока я не скрылся за поворотом. Я чувствовал себя грязным, хотя не сделал ничего плохого. Моё искреннее удивление этой, как я сказал, красотой в их глазах превратилось в какое-то извращённое подглядывание.

Лишь когда я завернул за край близстоящего здания улицы, я услышал тихий, неразличимый гул голосов.

* * * * *

Пам-пам-пам-пам — моя нога быстро тряслась вверх-вниз, издавая совершенно неритмичный стук. Настал момент, когда я, в точности как наши клиенты, судорожно ждал своей очереди на оцифровку. Еще недавно мне было забавно наблюдать за тем, как люди, нервничая, снуют по коридору в ожидании «перехода». Я думал, что бояться нечего, ведь ты не умираешь — напротив, ты можешь больше никогда не беспокоиться о смерти.

Теперь же я оказался по ту сторону баррикад, и почему-то улыбки это больше не вызывало. В зале ожидания (точнее, в обычном коридоре, который попросту обставили скамейками, на удивление идеально подходящими под интерьер) из колонок играла какая-то веселая старая песенка. Я точно слышал ее в каком-то мультике, вроде в какой-то части Шрека¹.

Как ни старались люди, составлявшие плейлист, создать приятную и спокойную атмосферу, у них это не совсем получилось. Пять минут назад на «Ковчег» забрали группу из двадцати человек. Все из этой группы, как и из оставшихся двух, являлись работниками нашей организации.

Последние две недели я так хотел поскорее оказаться в нашем раю, у меня не было ни капли сомнений, а теперь, за шаг до финишной ленты, что-то тянет меня назад.

Я встал со скамьи — теперь мой черед наматывать круги по коридору. Скоро, совсем скоро я окажусь там. «Это не конец, я не умираю, это лишь начало», — повторял я про себя, словно читая мантру. Но почему мое сердце так бешено колотится, заглушая любые попытки успокоиться?

Вчерашний разговор с техником, сцена с беспечными детьми — всё это сидело занозой в мозгу. Это выводило меня из себя. Наверняка рабочий сейчас и бровью не ведет — всё такое же ледяное спокойствие, как и в прошлый раз. Боже, как же я ему завидовал!

Хотя есть ли чему завидовать? Он помрет тут, как и все, кто решил остаться, а я... я буду жить в раю. В настоящем, а не в каком-то абстрактном его представлении. Да пошли они все! Строят из себя, видите ли, просветленных. Пускай дальше верят в своего Бога. Если он и есть, то он мудака, раз позволил такому случиться. А если он не может нам помочь, значит, он бесполезный.

Но ярость быстро испарилась, оставив после себя тошнотворный, липкий страх. А что, если они правы? Может, это всё просто проверка от Всевышнего? Те, кто не вкусит запретный

плод в качестве оцифровки, обретут покой и счастье, а остальные будут навечно заперты в бесконечной имитации, этакой пародии на ад. От этой мысли по спине пробежал холод.

Я замер посреди коридора. Хотелось развернуться и бежать к выходу.

Назад, в умирающий мир, где можно чувствовать боль и быть настоящим. Но стоило представить метеорит, который разрывает землю в клочья, как ноги словно налились жидким бетоном. Остаться здесь — значит умереть.

Опустошение. Вот что осталось на месте недавней злости. Я присел на корточки, уставившись в одну точку на плитке — маленькую черную царапину, которая на мгновение показалась мне важнее всего на свете. Я почувствовал, что все споры внутри затихли. Какая разница, в какой рай попасть? Лучше выбрать тот, что совершенно точно существует.

Мир вокруг будто стал бесцветным. Я посмотрел на свои руки: они перестали дрожать. Их обливал ярко-красный свет из окна — единственное, что разбавляло эту серость. Пусть решившие остаться делают что хотят, они сделали свой выбор, а я сделал свой. Жаль, никто не расскажет, кто оказался прав.

По лестнице с цокольного этажа поднялся «паромщик Харон»¹ — проводник оцифровки. Вот только для бесплатного перехода на ту сторону ждать сто лет не пришлось².

— Так, — протяжно сказал кодировщик, — у нас осталась предпоследняя группа. Все знают свой номер?

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Номера со сто сорок три тысячи девятьсот шестидесятого по восьмидесятый, пройдемте за мной.

Толпа медленно пришла в движение. Люди поднимались со своих мест так тяжело, словно на их плечи давили огромные валуны. Никто не переговаривался, не пытался разбавить обстановку — звук музыки терялся в шарканье подошв по некогда чистой плитке. Мы шли цепочкой, как послушное стадо, ведомое пастухом в помятом халате.

Нас разделили еще на две группы по десять человек и повели в разные кабинеты. Через минуту я оказался в том самом помещении, где прибирался пару дней назад.

— Занимайте свободные капсулы. Вы, наверное, знаете технологию, но на всякий случай я повторю, — сказала рыжая полноватая женщина в халате чересчур льстящего себе размера.

— Аккуратно ложитесь в камеру, ничего не трогайте, обувь снимать не нужно, — быстро вымолвила она, глядя на мужчину, который уже собирался это сделать. — К каждому подойдет кодировщик и всё сделает сам. Если есть вопросы — он ответит. При переносе сознания вы можете почувствовать легкое покалывание по всему телу и небольшой жар, это нормально. Крайне не советую открывать глаза во время сеанса, это может плохо сказаться на оцифровке. Перенос сознания длится ровно пятнадцать минут.

— Можете ложиться, — сказал тот самый кодировщик с явно натянутой, будничной улыбкой.

Я подошел к своей капсуле. Она пахла чистящим средством и какими-то духами — вероятно, запахом предыдущего «пассажира». Хоть снаружи она и была похожа на вытянутое яйцо, внутри ждала ровная поверхность. Бывший персонал вокруг начал укладываться. Кто-то зажмурился, кто-то со всей силы сжимал в кулаке подвеску или клочки бумаги — наши билеты в рай, которые уже через пятнадцать минут станут мусором.

Я опустил в светлое нутро аппарата. Здесь было чуть прохладнее, чем в самом помещении. Спустя минуту стекло медленно поехало сверху вниз, отсекая звуки внешнего мира. Еще через пару-тройку минут ко мне наконец подошел тот рабочий. Он что-то потыкал в стоящем рядом терминале и посмотрел на меня.

— Ну что, Максим, вы готовы? — сказал он с той же немного пугающей улыбкой. — Напомню, что глаза открывать нельзя. Раньше мы усыпляли людей специальным газом, заки-

сю азота, но сейчас сами понимаете: столько народу, а газ не бесконечный. Да и занимало бы это больше времени, которого у нас совсем не осталось.

Его голос звучал слегка механически из динамиков внутри капсулы — наверное, они искажали тон.

— Да, я в курсе, — сказал я трясущимся голосом.

— **Не бойтесь**, всё быстро закончится, это совсем не больно. У вас есть вопросы? — После этих слов работник пристально уставился на меня.

— Как мне понять, что я уже там?

— Вы проснетесь.

— А есть ли способ отключить сознание, будучи в этом месте? Или как-то выйти из системы? Мне просто... интересно, — промямлил я.

— Да, есть один способ, но это не совсем выход. Выход будет означать, что вас попросту сотрут. Я не уверен, что вы бы этого хотели, — он немного помолчал и добавил: — Правила вы сможете увидеть по прибытии.

Кодировщик нажал еще пару кнопок и спросил:

— Больше вопросов нет?

— Нет, наверное...

— Хорошо, — перебил он меня на середине фразы, — закрывайте глаза.

Он поправил воротник и перед уходом сказал:

— Удачи.

Пятнадцать минут — не такой уж и долгий рейс», — усмехнулся я про себя. Никто, почему-то, шутки не оценил. В аппарате до сих пор пахло легкими духами, а в воздухе витала какая-то странная аура. Сложилось ощущение, что все люди, лежавшие здесь до меня, ушли, а их страх остался.

Мою голову начало понемногу покалывать. Довольно приятные ощущения скоро сменились раздражающими. «Потерпеть всего пятнадцать минут», — повторял я про себя. Сердце снова начало колотиться. Опять страх. А что, если что-то пойдет не так? А если я не перенесу и живым полечу вниз, разбившись о кучу тел? А если рай окажется не таким, каким я его представлял? Быть может, в нем нет ничего прекрасного, как обещали в рекламе?

А если всё это, от начала и до конца, обман? Если никакого метеорита нет, и богачи просто решили почистить планету от мусора? Я пытался успокоиться, но в голову, как пиявки, впивались мысли о самых страшных исходах. Остальные тоже переживают? У них такие же ужасные раздумья?

Стало жарковато. Теперь не только в голову, но и по всему телу впивались тысячи иголок, как нас и предупреждали. Хотелось открыть глаза, но нельзя — вдруг это испортит процесс. «Ты боишься смерти, а я... я боюсь имитации жизни», — вспомнились слова техника. «Я лучше умру человеком, чем буду „жить“ двоичным кодом». Его слова кружились в мозгу и никак не желали уходить. А ведь он сейчас сидит и, наверное, наслаждается последними днями. Спокоен как удав, зараза.

Похоже, мои просьбы были услышаны.

Через время мысли затихли. Я лежал в полной тишине и темноте, однако тело до сих пор покалывало, хоть и не так ощутимо, как раньше. Сколько времени прошло? Я чувствую, что лежу уже дольше пятнадцати минут. Так хочется открыть глаза, это начало напрягать.

Вдруг тело перестало покалывать, жар ушел, мне стало необычайно хорошо. Я почувствовал облегчение и внутреннюю силу. Тело наполнилось энергией. Я чувствовал себя как никогда бодро! Неужели это и есть переход?

Пошел ты на хрен, Всевышний! — сказал я про себя в порыве эмоций. — Видишь, я и без твоей помощи обрел заслуженный покой. Adiós¹!

Я почувствовал улыбку на лице, и ощутил дующий в спину легкий ветерок: скоро мой разум достигнет пункта назначения.

Внезапно резкая, ужасная боль пробежала по всему телу. Мое дыхание сперло, я не мог вдохнуть, я

не мог пошевелиться. Тело парализовало. Глаза — я открыл их и увидел свет. В крошечной тьме, вдалеке, я видел прямоугольник света. Начав двигать глазами,

я заметил, что их десять — десять светящихся дверных проемов. Новый приступ боли схватил все тело. Я пытался закричать, но не мог. Почему свет не приближается? Я не могу дойти до него сам.

Я попробовал вдохнуть еще раз, и немного получилось. В нос ударил едкий запах гнили и внутренностей. Вкус крови подступил ко рту — нет, он был с самого начала, просто я почувствовал его только после вдоха. Спина неистово ныла от боли, я даже чувствовал, как некоторые позвонки вышли за пределы своего «дома». Когда из дыр перестал гореть свет, я понял, что мои кошмары стали явью. Ни в какой рай я не попал, меня обманули: я лежу в яме с гниющими трупами.

Сколько я тут пролежу? Неужели последние дни будут такими? Боже, ну помоги же мне! Какого черта ты так со мной поступаешь? Ты что, блин, обиделся, что я выбрал другое царство? Ну прости! Пожалуйста! Не оставляй меня так погибать! Прошу тебя, ну пощади меня! В моей голове за минуту было больше эмоций, чем, казалось, я испытывал за всю свою жизнь. Как и всегда, мои молитвы не были услышаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.